

Священник В. М. Русин

К ВОПРОСУ ОБ ОБУЧЕНИИ ЗАКОНУ БОЖЬЕМУ ПРИ БЕЗБОЖНОЙ ВЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА КУРСКОГО ГУБЕРНСКОГО РЕВТРИБУНАЛА

Аннотация. В статье дан краткий обзор событий, последовавших в Курской епархии за выходом декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви». Приводится реакция духовенства и церковнослужителей на декрет. А также сообщается о попытках наладить духовное просвещение и образование в новых политических условиях. В научный оборот вводятся документы по данному вопросу, выявленные в фонде Курского губернского революционного трибунала. Впервые в поле зрения исследователей попадают следственные дела курского делегата Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917/1918 гг. священника Иоанна Андриевского, обоянского священника Павла Попова, фатежской учительницы Марии Одринской.

Ключевые слова: Закон Божий, декрет «Об отделении Церкви от государства», Курская епархия, революционный трибунал.

Цитирование. Русин В. М. К вопросу об обучении Закону Божьему при безбожной власти (по материалам фонда Курского губернского ревтрибунала) // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 429–436.

Сведения об авторе. Русин Владимир Михайлович, священник — настоятель Покровского храма с. Кунье Горшеченского района Шигровской епархии, преподаватель курса «Новомученики и исповедники Церкви Русской» кафедры исторических дисциплин Курской духовной семинарии, председатель Историко-архивной комиссии Курской епархии (Россия, г. Курск). E-mail: rusinvm@ya.ru.

Советская власть с первых дней своего существования смотрела на Церковь «гордым оком и несатым сердцем» (Пс 100. 5). Идеологи страны Советов видели в представителях церковной иерархии и в верующих, проявляющих общественную активность, прежде всего конкурентов. Советские хозяйственники воспринимали материальную базу Российской Церкви как недоразграбленную помещичью усадьбу. Такое отношение закономерно выливалось в различные антицерковные кампании (вскрытие мощей, борьба с колокольным звоном, изъятие церковных ценностей, безразмерное налоговое бремя и т. д.). Юридический фундамент для будущих гонений был заложен в первые же недели после октябрьских событий 1917 г.

Трудно переоценить значение, которое имел для последующей церковной истории декрет «Об отделении церкви от государства

и школы от Церкви». Недаром отдел Наркомата юстиции, который осуществлял реализацию этого закона на практике, запомнился историкам не столько по своему порядковому, восьмому номеру, сколько по «говорящему» прозвищу. А прозван он был «ликвидационным».

23 января 1918 г., то есть в день выхода рокового декрета, епископ Курский Феофан (Гаврилов) отправился в Москву на очередную сессию Поместного Собора. Управление Курской епархией он возложил на епископа Рыльского Аполлинария (Кошевого). Известно, что в это время владыка Аполлинарий вел дневниковые записи, которые сейчас хранятся в архиве Свято-Троицкой духовной семинарии¹. Однако их содержание до сих пор не стало достоянием широкой общественности. Дневники не изданы. А те, кто пытался познакомиться с рукописями, жаловались на неразборчивый почерк автора. Поэтому у нас пока нет возможности взглянуть на те далекие события глазами архиерея, управлявшего Курской епархией.

Однако многие официальные документы того времени, как церковного, так и гражданского происхождения, уцелели. Они хранятся в Государственном архиве Курской области и весьма востребованы исследователями.

Отголоски бурных обсуждений дальнейшей судьбы Церкви при власти большевиков нашли отражение на страницах местной церковной прессы. В 1918 г. еще издавался «Курский епархиальный вестник». И даже была предпринята попытка наладить выпуск новых церковных периодических изданий: «Воскресный день», «Благовестник» и т. д.

Весной 1918 г. церковная печать еще могла позволить себе выразить недовольство инициативами большевиков, подрывающими традиционные устои. К примеру, в «Курском епархиальном вестнике» была опубликована заметка «К „свободе“ совести». В этой публикации сообщалось, что 26 февраля в с. Ястребовка в помещении двухклассной школы состоялось объединенное собрание церковных советов 4-го Старооскольского округа. Собравшиеся по пунктам разобрали одиозный декрет, а затем дали на него свой ответ, так же по пунктам:

¹ *Цуриков В., прот.* История России в документах архива Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. М., 2012. С. 31.

«1) Объявить всех священно-церковнослужителей и прихожан, объединяющихся в молитвах и Святах Таинствах в святом храме, членами религиозного общества применительно к параграфу 12 декрета;

2) храмы, созданные и благоуукрашенные нашими предками и поддерживаемые в благолепии нами, со всеми их святынями и имуществом, в чем бы оно ни заключалось, не исключая и капиталов, в бумагах помещенных, нашу неотъемлемую собственностью;

3) попытку овладеть чем-либо из церковного имущества, без нашего ведома и разрешения, будем считать ограблением;

4) храмы украшать, сохраняя на прежних основаниях;

5) посягательство на нашу святыню считать поправлением наших человеческих прав, за которые стояла и боролась демократия всех стран и, наконец;

6) преподавание Закона Божьего во всех учебных заведениях считать обязательным и не подлежащим отмене»².

Столь смелое и дерзкое заявление не испугало новую власть, которая уже начала открытое гонение на Церковь.

Через два дня после ястребовского собрания в Курске был арестован и заключен в городскую тюрьму у Московских ворот священник Иоанн Филиппович Андреевский, один из делегатов на Поместный Собор от Курской епархии. Он, как сказано было в обвинении, «произнес в церкви проповедь контрреволюционного содержания»³. А как выяснилось, батюшка просто прочел с амвона послание Патриарха Тихона.

1/14 февраля в Курске прошло собрание духовенства под председательством епископа Аполлинария. «Прискорбный факт ареста» отца Иоанна Андриевского собравшиеся посчитали «странным недоразумением»⁴. Курское духовенство подчеркнуло свою аполитичность и нежелание конфликтовать с властью. Но вместе с тем выразило готовность «православную веру и ее святыни мужественно и безбоязненно защищать с данным нам от Бога оружием, т. е. смелым, правдивым, пастырским словом»⁵.

² *И. Арсений*. Из епархиальной хроники // Курский епархиальный вестник. 1918. № 12–13 (отд. неоф.). С. 261.

³ ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 4. Д. 5. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ Там же.

Но представители власти не желали слушать правдивое пастырское слово, поскольку уже не были паствой. Священник Иоанн Андриевский пропал из поля зрения историков чуть позднее. А весной 1918 г. его отпустили на поруки. Однако его арест открыл череду сотням новых арестов духовенства в Курском крае. И тем не менее даже в эти неблагоприятные для церковных инициатив годы вопросы духовного просвещения в Курской епархии не снимались с повестки дня.

В «Курском епархиальном вестнике» было опубликовано объявление об открытии с 6 мая 1918 г. краткосрочных пастырских курсов при проживающей свои последние дни Курской духовной семинарии⁶. И среди духовенства 1920–1930-х гг. встречаются священнослужители, прошедшие эти курсы. Подобные двухмесячные курсы были открыты в Старом Осколе по инициативе законоучителя местного реального училища Феодора Косминского, который опирался на преподавательские кадры закрытого Старооскольского духовного училища⁷. Таким образом в Курской епархии попытались упредить назревавший дефицит ставленников.

Когда стало окончательно ясно, что Закон Божий изгнан из учебных заведений, отформатированных под новые идеологические стандарты, духовенство задумалось об организации альтернативного учебного процесса при храмах.

1 сентября 1920 г. в Обояни для решения вопроса организации преподавания Закона Божия собрались представители городских церковных советов: 8 священнослужителей и 8 мирян. Среди духовных лиц был и будущий священномученик Петр Григорьев, за несколько месяцев до того принявший священный сан.

Все собравшиеся пришли к единодушному мнению: «Обучение Закону Божию ввести во что бы то ни стало»⁸. Местом для проведения уроков на первых порах должны были стать три городских храма и один монастырский. Труд законоучителей обязались взять на себя все присутствующие священники и монах Фока (Антонов). Учебный год решили начать с 1 сентября по старому стилю, за неделю до этого открыв запись желающих. Приглашали учеников от 8 до 14 лет. Занятия планировали проводить дважды в неделю в послеобеденное

⁶ Курский епархиальный вестник. 1918. № 12–13. С. 283.

⁷ ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 647. Л. 1.

⁸ Там же. Ф. Р-4099. Оп. 2. Д. 801. Л. 23.

время. Намеревались разделить учащихся на группы по 40—50 человек. Волновались, хватит ли скамей.

На собрании 1 сентября 1920 г. председательствовал священник Троицкого собора г. Оболянь Павел Константинович Попов. В его следственном деле, заведенном уже в ноябре того же года, и сохранился процитированный выше протокол собрания. Известно, что отец Павел в Русско-японскую войну был полковым священником, имел две медали. В гражданскую войну побывал заложником у большевиков. Следственное дело священника Павла Попова, сохранившееся в фонде Курского губернского революционного трибунала, было прекращено по амнистии 8 мая 1922 г. По сведениям родственников отца Павла, позднее он все-таки был расстрелян. Однако официального документа, подтверждающего это, в архивах пока не обнаружено.

Расстрел священномученика Петра Григорьева и монаха Фоки (Антонова), упоминавшихся в протоколе собрания, задокументированы.

Но не только духовенство и церковнослужители противостояли обезбоживанию народного образования. В описях фонда Курского ревтрибунала есть дело учительницы Марии Васильевны Одринской, которую обвиняли в подрыве авторитета советской власти и воспитании детей в религиозном духе.

20 октября 1918 г. в школу с. Цуриково Фатежского уезда, в которой трудилась Мария Васильевна, заявили представители сельского комитета и комитета бедноты с намерением побеседовать о ее педагогическом методе. Дело в том, что Одринская не убрала из класса иконы, продолжала и в школе молиться, говорила о молитве с детьми, позволяла себе некоторые критические замечания в адрес власти. Возглавлявший делегацию Лыков, сидевший в царской тюрьме вовсе не по политической статье, затаил на учительницу злобу и натравил на нее ЧК. 28 октября Мария Васильевна была арестована. При обыске у нее были обнаружены три книги «с рассказами и рисунками дома Романовых»⁹. С собой в тюрьму верующая женщина взяла две иконы, но их у нее отняли и сожгли. Начальник Фатежской ЧК предписал начальнику тюрьмы содержать заключенную Одринскую «в отдельной камере с самым строгим режимом»¹⁰.

⁹ ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 4. Д. 48. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 82.

30 декабря 1918 г. на судебном заседании Курского губернского ревтрибунала Марию Васильевну как только ни унижали. Обвинитель Романов называл ее «тупицей, как все монархисты». В ходе следствия следователь усомнился в ее умственной полноценности и подверг психиатрической экспертизе. Психиатр, не сомневавшийся в душевном здоровье арестантки, тем не менее не упустил шанса потешиться над ней, подвергнув экзаменам по арифметике и географии. О фактах морального и физического давления на сельскую учительницу, не попавших в материалы дела, мы можем только догадываться. А их было немало. Тот же Романов, обвинительная речь которого занимает несколько листов машинописного текста, в порыве прокурорского вдохновения воскликнул: «Не знаю, сколько времени госпожа Одринская была учительницей, но твердо знаю, что за свое учительство она испортила несколько сот детских душ. Она была настолько вредна, насколько не может быть вреден даже профессиональный убийца»¹¹.

В своем последнем слове М. В. Одринская, измученная, но не сломленная духовно и не признавшая выдвинутых против нее обвинений, заявила: «Как я могу быть против власти? Я всегда власть признавала. Я благоговела перед властью. Но я могу признать только такую власть, которая действует законно, а такую, которая приказывает срывать кресты с детей, учить по двенадцатым праздникам не ходить в церковь, не признавать святых, не учить закона Божьего, молитв... На это я не соглашусь и такую власть не признаю... Делайте со мной, что хотите, садите меня в тюрьму, берите жизнь, я ею не дорожу и просить пощады не буду. Я не первая буду страдать, страдали люди и лучше меня...»¹².

Вернувшиеся с краткого совещания судьи огласили приговор: 15 лет принудительных работ. Однако на следующий день прошло заседание Руководящей коллегии Курского губернского ревтрибунала, на котором приговор признали слишком уж суровым и сократили на треть. М. В. Одринская провела в тюрьме несколько недель. За это время она написала более десятка пламенных писем, в которых цитировала Священное Писание и будила совесть советских

¹¹ ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 4. Д. 48. Л. 17 об.

¹² Там же. Л. 24—24 об.

служащих. В конечном итоге 26 февраля 1919 г. Марию Васильевну освободила Чрезвычайная комиссия по разгрузке тюрем¹³.

К пострадавшим в период уничтожения системы духовного образования можно отнести и начальницу Белгородского епархиального женского училища Анну Феодоровну Азарову. Все происходящее она принимала близко к сердцу и потому ровно через месяц после выхода злополучного декрета скончалась от сердечного приступа¹⁴.

Передача церковных традиций и вероучения, духовное образование в целом большевиками были не просто вытеснены на обочину, а фактически поставлены вне закона. Это подтверждается и выявленными материалами фонда Курского губернского революционного трибунала.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области. Ф. 20. Оп. 2. Д. 647; Ф. Р-4099. Оп. 2. Д. 801; Оп. 4. Д. 5, 48.

2. *И. Арсений*. Из епархиальной хроники // Курский епархиальный вестник. 1918. № 12–13 (отд. неоф.). С. 261–265.

3. *Тимофеев И., свящ.* Свежей и доброй памяти Анны Феодоровны Азаровой // Курский епархиальный вестник. 1918. № 12–13. С. 258–261.

4. *Цуриков В., прот.* История России в документах архива Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле. М., 2012.

Priest Vladimir M. Rusin

On the Issue of Teaching the Law of God Under the Godless Power (Based on the Fund of Kursk Provincial Revolutionary Tribunal)

Abstract. The article gives a brief overview of the events that followed the release of the decree “On the Separation of Church from State and School from Church” in the Kursk diocese. The author shows the reaction of clergymen to the decree and describes the attempts to establish spiritual enlightenment and education in the new political conditions. The documents on this issue identified in the fund of the Kursk Provincial Revolutionary Tribunal are being introduced into scientific circulation. For the first time, the investigative cases of priest Ioann Andrievsky, a Kursk delegate of the Local Council of the Russian Orthodox Church of 1917/18, and the Oboyan priest Pavel Popov, as well as the Fatezh teacher Maria Odrinskaya come to the attention of researchers.

Keywords: *The Law of God, Decree on the Separation of Church and State, Kursk eparchy, Kursk diocese, revolutionary tribunal.*

Citation. Rusin. V. M. K voprosu obucheniiia zakonu Bozhiemu pri bezbozhnoi vlasti (po materialam fonda Kurskogo gubernskogo revtribunala) [On the Issue of Teaching

¹³ ГАКО. Ф. Р-4099. Оп. 4. Д. 48. Л. 62.

¹⁴ *Тимофеев И., свящ.* Свежей и доброй памяти Анны Феодоровны Азаровой // Курский епархиальный вестник. 1918. № 12–13. С. 258.

the Law of God Under the Godless Power (Based on the Fund of Kursk Provincial Revolutionary Tribunal)]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2022, no. 3, pp. 429–436.

About the author. Rusin Vladimir Mikhailovich, Priest — Rector of the Intercession Church of the Kunye village at Gorshechensky district of the Shchigrov diocese, Lecturer of the course “New Martyrs and Confessors of the Russian Church” at the Department of Historical Disciplines of the Kursk Theological Seminary (Russia, Kursk). *E-mail: rusinvm@ya.ru.*